

Что-то явно шло не так.

Едва очнувшись от сна, Цзян Фэй первым делом отыскал взглядом Фу Сяо. Тот молча сидел в противоположном углу комнаты, отсадившись от кровати так далеко, как только позволяли стены.

Цзян Фэй поморщился: гудела поясница, ныли ягодицы, ломило ноги — всё тело настойчиво сигнализировало о перенесённой в ночи встряске. Взглянув на невозмутимый лик Фу Сяо, юноша инстинктивно вжался глубже в изголовье.

Однако, выскочив из-под одеяла и запершись в ванной, Цзян Фэй не обнаружил на себе ни единого следа.

А ведь он помнил совершенно отчётливо: прикосновения Фу Сяо наяву всегда оставляли отметины. Выходит, всё произошедшее ночью — снова лишь сон?

Стоило немного размяться, как фантомная ломота бесследно улетучилась, будто действительно являлась лишь эхом ночной грезы.

«Но до чего же реалистичны эти воспоминания и ощущения!»

Понимая, что выражение лица Преподобного не предвещает душевных бесед, Цзян Фэй не решился задерживаться и попросту сбежал из комнаты.

Затем он попытался зайти с другой стороны и осторожно завел разговор с Линьхуа:

— Линьхуа, тут у одного моего друга возник вопрос... Что значит, если человеку постоянно снится всякое?

* «Один друг, говоришь? Имя у этого друга случайно не Цзян Фэй?»* — без обиняков срезал коняшка. * «Старый конь день и ночь в сети торчит, меня на такой мякине не проведёшь».*

Цзян Фэй почувствовал, как к щекам приливает жар, но попытался сделать грозный вид:

— Не сбивай с темы! Мы резонируем или где? Подружка ты мне или кто?

* «Аномалия резонанса вообще штука самая ненадёжная»,* — снова поддел Линьхуа.

Подколоть смущённого Цзян Фэя было забавно, но заходить слишком далеко скелетный конь не стал. Как-никак, будучи духом с куда более богатым жизненным опытом, чем у Цзогу, Линьхуа глубокомысленно изрёк:

* «Может, о чём днём думается, то ночью и снится?»*

И чем это отличалось от прямого признания в собственном извращенчестве?

Кровь мгновенно ударила Цзян Фэю в голову. Сгорая от стыда и досады, он огрызнулся:

— Сам ты о чём днём думаешь, то тебе и снится!

Обойдя ещё нескольких знакомых с расспросами в стиле «у одного моего друга беда», Цзян Фэй получил отрезвляющий ответ от Су Яньчжоу:

— Ты, случайно, не слишком освободился?

Су Яньчжоу вовсе не пытался его поддеть.

— С повышением ранга и боевой мощи медиумов ускоряется эволюция генома. Старые клетки разрушаются, формируются новые. Возрастают ежедневные энергозатраты, увеличивается запас сил. Отсюда и некоторая нестыковка в ощущениях. Когда я только резонировал с Уду, я три дня подряд без перерыва махал копьём. Если тебе не нравятся эти сны, можешь просто не спать.

Регулярный ночной сон — роскошь и привычка обычных людей, медиумам она без надобности.

— Поручение, о котором я говорил, назначено через три дня, — добавил Су Яньчжоу. — Отправимся вместе. Как раз сбросишь излишки энергии.

Цзян Фэй рассудил, что в этом есть зерно истины. Затем он отправился к Линьхуа узнавать, можно ли как-то подавить его собственную способность стимулировать чужую эволюцию — например, снова воспользовавшись той серебряной шпилькой.

Фу Сяо когда-то тоже обладал этой силой, так что Цзян Фэй полагал, что разговор о такой «бомбе» особым риском не грозит.

Однако Линьхуа, услышав его, опешил, будто ему сообщили нечто совершенно дикое:

* «У тебя тоже есть эволюционная сила Иллюзорного Царства Бессмертной Судьбы?»*

— А что-то не так? — уточнил Цзян Фэй.

* «Не знаю, сколько тебе успел выболтать Ягнёнок, — откликнулся Линьхуа, — но в те времена Преподобный обрёл эволюционную силу именно там. И благодаря ей на свет появились мы,

Звериные Посланники. Позже Преподобный пытался передать эту способность другим, но ни одна попытка не увенчалась успехом».*

В ту эпоху не нашлось никого, кто мог бы принять этот дар. Именно поэтому они ждали столько долгих веков.

* «Но я с самого начала не чувствовал от тебя и капли той ауры».*

Именно поэтому Линьхуа никогда не верил, что Цзян Фэй способен встать вровень с Преподобным или под носом у павшего Фу Сяо завершить то, что некогда планировал Фу Сяо.

И всё же Цзян Фэй, от которого до сих пор не исходило ни малейшего дыхания эволюции, каким-то образом умудрялся бесшумно и незаметно подталкивать окружающих к перерождению.

Пламя в глазницах коня замерло, повторив неподвижность своего хозяина. В глубине души Линьхуа гадал: не пора ли, подчиняясь велениям судьбы, открыть Цзян Фэю кое-какие тайны?

Но решимости не хватало.

Груз прошлого был слишком тяжёл. Ему не хотелось взваливать эту тяжесть на плечи Цзян Фэя, обрекая его на такое же падение с грузом сожалений, какое постигло Преподобного. Но и раскрывать всю правду тоже не хотелось — ведь тогда все узнают, что свет, некогда разорвавший тьму, сам обратился в самую непроглядную беспросветную ночь.

Линьхуа предпочитал, чтобы за Преподобным навеки осталась дурная слава — это лучше, чем если бы кто-то прознал, что этот истинный бог ступил во тьму добровольно, ради будущего света.

* «Ф-р-р!»* — вырвался из лошадиных ноздрей сноп пламени.

* «Что ж, это к лучшему»,* — пробормотал Линьхуа.

Похоже, снова затеплилась надежда. Значит, стоит подождать ещё немного.

Цзян Фэй же зацепился за другое, искренне изумившись:

— Как это — передать способность?

Его эволюционный дар был следствием пробуждения генома, вторичным всплеском инстинктивной природы. А инстинкт — это нечто такое, что прорастает изнутри, из самой

сути, без сторонних предметов.

Генотип не передашь. Неужели с Фу Сяо всё было иначе?

Цзян Фэй запнулся, вдруг вспомнив один эпизод. Выбравшись из глубин Иллюзорного Царства, он воспользовался воспоминаниями Фу Сяо и приподнял ладонь, словно держит нечто — намекая на предмет, обретенный в самом сердце Царства.

Но Цзян Фэй понятия не имел, что это такое, и ничего подобного у себя так и не нашёл.

* «Запросто, — Линьхуа поскрёб копытом голову. — Твой нынешний дар эволюции — разве он появился не потому, что Преподобный передал его тебе? В некотором смысле ты идёшь точь-в-точь по его стопам».*

Их изначальный план был вполне жизнеспособен. Преподобный обладал невероятной мощью: даже пав, он мог удерживать разум в узде не одно столетие. За это время появился бы тот, кто заступит на его место, Звериные Посланники указали бы путь, Неизвестный Путь перестроил бы его сущность, а Преподобный направил бы со стороны. Всё быстро вошло бы в норму.

Вот только Цзян Фэя они прождали целую тысячу лет.

* «Делай всё, что задумывал, ничего не бойся. Раз Источник Духа явился в мир, эволюцию уже не остановить, — Линьхуа взвился в воздух. — Хуже, чем было в прошлом, всё равно уже не станет».*

Преподобный просчитал всё. Если события окончательно выйдут из-под контроля, он попросту увлечёт за собой в бездну всех без исключения. Пусть все станут лишь добычей на общем пиру — это всё равно лучше, чем прежняя эпоха, когда людей держали как скот на убой!

Линьхуа жалел лишь об одном: когда этот час настанет, вряд ли у него, последнего обладателя разума, останется хоть какая-то причина жить дальше.

Цзян Фэй связывался с Су Яньчжоу и подтвердил своё участие в вылазке.

— Отлично, — отозвался тот. — Думаю, тебе действительно стоит там побывать. Место назначения — Материк Синьлу, и всё это напрямую завязано на Церковь Славы Звёзд. Возможно, там тебе удастся пролить свет на некоторые тайны.

В Цзян Фэе было слишком много странностей. Они с сектантами один за другим шагнули в тело Сечжи, и каждый, наверняка, вынес оттуда немало ценного.

Высшие медиумы Центрального Материка давали Цзян Фэю огромную свободу действий — пожалуй, даже чересчур огромную.

Цзян Фэй не удержался от вопроса:

— И вы ни о чём не станете меня расспрашивать?

Впрочем, спроси они — он и сам толком не знал бы, что ответить.

— Не за чем, — ответил Су Яньчжоу. — Серебряная шпилька ведь у тебя, верно?

Хоть Цзогу ничего и не нашупал, более подозрительной фигуры, чем Цзян Фэй, во всём мире было не найти.

— Некоторые вещи... просто являются долгом, который роды Су и Гу несут сквозь поколения.

Человеческие жизни хрупки. За тысячу лет роды Су и Гу не раз оказывались на грани вымирания, потеряв множество ключевых сведений своего наследия.

Но в то же время люди удивительно стойки. Забыв конкретные детали древней задачи, они всё равно способны ориентироваться по обстоятельствам и делать верный выбор.

В Восточном университете на занятиях по медитации царило оживление, а лекции в Академии духовной энергии после выступления Цзогу и вовсе перевели в формат общих потоков для всего курса.

Аудитория была забита до отказа: среди студентов сидели и все бывалые медиумы, находившиеся на отдыхе.

Причина проста: после вчерашнего занятия сразу двое учащихся пережили очередной виток эволюции.

На сей раз ситуация отличалась от прежних: из двоих лишь один являлся Последователем. Вторым оказался Резонатор С-ранга.

Его аномалия трансформации прямо во время ночной тренировки по боевым искусствам переродилась из гусеницы в Спектральную Бабочку В-ранга. Кабы не присутствие Цзянь Юньмань, та не задумываясь утянула бы своего хозяина в падение.

Волна азарта, подстёгиваемая страхом перед срывом и жадой силы, захлестнула Академию. Отступить решились единицы; напротив, куча опытных медиумов впервые вылезла из своих нор, чтобы примкнуть к этому безумному пиршеству — не то перед лицом конца света, не то накануне новой надежды.

Юнь Маньмань, натянув облик Цзянь Юньмань, парил высоко под потолком. Сегодняшнюю лекцию под названием «Духовная Бездна: Как сохранить собственное "Я"» читала Гу Яньань.

— Когда аномалия погибает, происходит всплеск базовой духовной энергии. Тысячу лет назад её именовали Цзи, и она была необходимым условием для людской эволюции и самосовершенствования. Но затем Цзи иссякла, бессмертная судьба прервалась, и великие сущности прошлого укрылись в аномальных пространствах. Когда же они вернулись в реальность, вышло расхождение между преданиями и действительностью: они превратились в аномалии, пожирающие людей.

Что именно произошло в истории, ныне установить невозможно. Собирать Цзи и совершать Восхождение, как встарь, люди уже не способны. Резонаторам остаётся лишь, подобно мотылькам, летящим на огонь, цепляться за связь с аномалиями в надежде урвать хотя бы мизерный шанс на спасение.

Слова Гу Яньань несли колоссальный объём информации. Ван Дали и Лю Цыянь, чья кожа всё ещё хранила землянистый оттенок, переглянулись. Лю Цыянь поднялся с места и озвучил вопрос, давно терзавший его разум:

— История полна лжи. Что, если аномалии не сейчас стали пожирать людей, а пожирали их всегда? Просто прежде всё это прикрывалось красивой обёрткой.

Они ступали в нутро Сечжи и своими глазами видели осколки прошлого — не то истинного, не то фальшивого.

Бессмертные огораживали земли и разводили людей, словно скот. Невежественные жители внутри этих границ мечтали стать бессмертными, а те, кто оставался за пределами, служили лучшей закуской для пиров.

Гу Яньань жестом попросила Лю Цыяня сесть и кивнула:

— Именно. Мои слова — лишь бытующее мнение прошлых лет. Ключевые причины многих вещей открываются нам только теперь, — продолжала Гу Яньань. — Источник Духа найти нелегко, но если объединить ресурсы всего материка, кое-что наскрести удастся. Много лет назад мы провели эксперимент: при помощи Источника Духа вырастили человека с духовным корнем.

— И что стало потом? — спросил кто-то из аудитории.

А потом, вспоминала Гу Яньань, того человека забрал Цзогу, и больше его никто не видел. А сам Цзогу переименовал Цзи в базовую духовную энергию. С тех пор они оставили попытки возвращать людей с помощью Источника Духа и перенаправили все ресурсы на научно-технические разработки.

Гу Яньань пояснила:

— У человека двадцать три пары хромосом. Наличие духовного корня — это появление двадцать четвёртой пары, образовавшейся под воздействием Источника Духа. Однако эволюция, подстёгиваемая духовной энергией, затрагивает исключительно этот духовный корень.

С точки зрения науки, добавила Гу Яньань:

— Это называется дисбалансом эволюции.

Духовный корень гипертрофируется, человеческое тело не успевает за его запросами, геном загрязняется и искажается. В конце концов, повинаясь первичному инстинкту, человек может выжить лишь одним способом — пожирая себе подобных, чтобы восполнить бреши в ДНК.

Ван Дали вздохнул:

— Говорят, чтобы обрести бессмертие, надо выдержать небесную кару и сразиться с самой судьбой... А выходит, Небеса молниями херачили просто по тем, кто уже и людьми-то быть перестал?

— А Последователи? — подал голос Цзян Фэй. — Кем в прошлом были Последователи?

— Последовательность — это эволюция собственного генома человека, — ответила Гу Яньань. — Они существовали в куда более древние времена. Судя по всему, это те, кто в древности обретал святость через закалку плоти. Но позже появилась Цзи Неба и Земли, и эволюция пошла по пути духовных корней. Те, кто развивал плоть, стали редчайшим исключением.

— В древности их тоже было немного, — пробормотал Ван Дали, до сих пор не забывший, как за ними погонялись в брюхе Сечжи. — Может, их было не мало, а их просто сожрали всех? Какая у них вообще была надежда вырасти при такой-то охоте?

— Возможно, — вдруг улыбнулась Гу Яньань. — На самом деле наше время — лучшее из всех. Последователи развиваются в безопасной среде, а Резонаторы способны расти очень быстро — нужно лишь держать в узде отношения с аномалией. Да, продолжительность жизни оставляет желать лучшего, но это в тысячу раз лучше, чем превратиться в безумного людоеда!

Гу Яньань перешла к сути и стала делиться накопленным родом Гу опытом: как затормозить

процесс падения.

Цзян Фэй погрузился в размышления. Всё равно что-то не сходилось. Ведь * «даже фавориты созидания не способны избежать падения»*.

Синчэнь и Уду в конечном счёте тоже пали.

Дни Цзян Фэя пролетали в бешеном темпе: дневные лекции, ночная отработка боевых навыков без скидок на усталость, а за полночь — забеги на физический факультет Восточного университета для переработки учебников. Всё строилось на одной цели: занять себя так, чтобы на сон не оставалось ни единой секунды.

И чем сильнее он был загружен, тем спокойнее становилось на душе.

На рассвете к нему припрыгал Сигуан:

* «А где Ариэкс?»*

Кролику было скучно, и он искал заикающуюся змейку.

Ариэкс, доселе притворявшийся шпилькой в волосах Цзян Фэя, высунул мордочку и, завидев стоящего за спиной Сигуана Фу Сяо, радостно заболтал костяным хвостом.

Преподобный облёкся в новые одежды, недавно купленные ему Цзян Фэем. При взгляде на него перед взором юноши невольно всплыл образ того, что скрывалось под этой тканью. К горлу подступил жар, и из носа непроизвольно потекла алая струйка.

* «Возвращайся»,* — произнёс Фу Сяо.

Цзян Фэй вжал голову в плечи, чувствуя себя гулякой, которого строгая супруга застала при попытке заночевать вне дома.

Но спать было слишком опасно! Цзян Фэй дернулся было бежать, но Фу Сяо без труда сгреб его в охапку.

Тёмный рукав, расписанный изысканными узорами, подхватил Цзян Фэя под бёдра и легко поднял. Прохладное дыхание коснулось уха, заставив кожу покрыться мелкой дрожью.

* «Цзян Фэй»,* — прозвучал чистый, холодный голос.

Фу Сяо впервые назвал его по имени.

Цзян Фэй невольно натянулся как струна. Левая рука легла на плечо Фу Сяо, а правая судорожно метнулась к его запястью, но Преподобный перехватил его пальцы и сжал в своей ладони.

— Не надо, — выпалил Цзян Фэй.

Фу Сяо молча возрился на него, не торопясь перебирая его пальцы в своей руке.

Он не произнёс больше ни слова, но невидимое настойчивое присутствие окутывало Цзян Фэя всё плотнее, не оставляя воздуха.

Цзян Фэй быстро сдался. Спрятав лицо на плече Фу Сяо, он едва слышно прошептал:

— Ладно, давай вернёмся.

Возвращение не предвещало ничего хорошего.

Цзян Фэй, рухнувший на кровать и мгновенно провалившийся в сон, в собственных грёзах сам прыгнул в объятия Фу Сяо:

— Я так скучал по тебе...

Они обнимались под бескрайним ночным пологом. Казалось, во всём мире не осталось никого, кроме них двоих — и этого чистого, предельно острого чувства единения.

Когда Цзян Фэй очнулся, грань между явью и сном на мгновение стёрлась. Увидев Фу Сяо, тихо стоящего у кровати, он потянулся в постели и выпростал руки:

— Обними...

Фу Сяо опустил на край и ласково погладил его по волосам.

Цзян Фэй окончательно пришёл в себя. Жалобно пискнув, он зажмурился и с головой ушёл под одеяло.

<http://bllate.org/book/19820/1992637>